

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.3.7>

UDC 130.3
LBC 87.523

Submitted: 02.08.2025
Accepted: 02.09.2025

VICTOR VASNETSOV: THE ANTHROPOLOGY OF THE “OTHER”

Natalia N. Rostova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article provides a philosophical and anthropological study of the work of the outstanding Russian artist Viktor Vasnetsov. The author turns to two main subjects of his painting – fairytale images and the image of silence – and uses their example to reveal the key idea of duality of mind for Russian culture. According to this idea, one mind is connected with the world and adaptation to it, and the other mind, literally different from it, is connected with the ideal. The first mind helps us navigate in space; the second mind sets the metaphysical coordinates of our lives. If the European consciousness is defined by the opposition “mind – madness”, then the Russian consciousness removes this opposition in “third” terms, such as “superintelligent,” that are behind the mind. For Russian culture, the idea of silence is important not as the absence of speech, but as an experience of apophaticity, as well as the idea of madness not as a deviation from reason, but as a source of mind and the search for another transformed being. It is widely believed that Vasnetsov wrote fabulous motifs, wanting to distance himself from the harsh reality. However, bearing in mind the artistic and epistolary legacy of the painter, this assessment should be considered superficial and one-sided. Vasnetsov turned to the fairy tale not as an ethnographer, but as an archaeologist of the national consciousness. For him, a fairy tale is not just folklore but the objectified consciousness of the people, in which we discover its deepest hidden layer. Exploring folk tales and epics, Vasnetsov brings out the picturesque anthropological types of our culture – Ivan the Fool, epic heroes, and knights – and together with them sheds light on our key values: the search for a different, transformed world, valor, kindness, and selfless love for the motherland. In the image of the “Angel of Silence” he reveals the ideal of the inner man.

Key words: philosophy of Russian painting, mind, madness, silence, fairy tale.

Citation. Rostova N.N. Victor Vasnetsov: The Anthropology of the “Other”. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 62-68. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.3.7>

УДК 130.3
ББК 87.523

Дата поступления статьи: 02.08.2025
Дата принятия статьи: 02.09.2025

ВИКТОР ВАСНЕЦОВ: АНТРОПОЛОГИЯ «ИНОГО»

Наталья Николаевна Ростова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье проводится философско-антропологическое исследование творчества выдающегося русского художника Виктора Васнецова. Автор обращается к двум основным сюжетам его живописи – сказочным образам и образу молчания, и на их примере вскрывает ключевую для русской культуры идею двойственности ума. Согласно этой идее один ум связан с миром и приспособлением к нему, а другой ум, буквально отличный от него, *иной*, связан с идеалом. Первый ум помогает ориентироваться в пространстве, второй ум задает метафизические координаты нашей жизни. Если европейское сознание задано оппозицией «ум – безумие», то русское сознание снимает эту оппозицию в «третьих» терминах, таких как «сверхразумное» или «заумь». Для русской культуры важна идея молчания не как отсутствия речи, а как опыта апофатики, а также идея безумия не как отклонения от разума, а как источника ума и поиска *иного* преображенного бытия. Распространено мнение, что Васнецов писал сказочные мотивы, желая отстраниться от тяжелой действительности. Однако, имея в виду художественное и эпистолярное наследие живописца, следует считать эту оценку поверхностной и односторонней. Васнецов обращался к сказке не как этнограф, а как археолог народного сознания. Сказка для него не просто фольклор, а объективированное сознание народа, в котором обнаружи-

вается его самый глубинный потаенный слой. Исследуя народные сказания и эпосы, Васнецов выводит живописные антропологические типы нашей культуры – Ивана-дурака, богатырей и витязей, а вместе с ними проливает свет на наши ключевые ценности – искание *иного*, преображенного царства, доблесть, доброту и самоотверженную любовь к родине. В образе «Ангела молчания» он приоткрывается идеал внутреннего человека.

Ключевые слова: философия русской живописи, ум, безумие, молчание, сказка.

Цитирование. Ростова Н. Н. Виктор Васнецов: антропология «иного» // *Logos et Praxis*. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 62–68. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.3.7>

Виктор Васнецов – художник-сказочник, автор росписи Владимирского собора в Киеве, декоратор, архитектор, который своими чудными творениями создал «русский стиль». Фасад Третьяковской галереи, церковь в Абрамцеве, волшебный дом самого художника в одном из московских переулков, особняк Цветкова – праздник русской культуры, подаренный нам художником. В своем творчестве он проникает в глубины народного духа и вскрывает доминанту русской культуры – искание *иного* преображенного мира и сокровенного образа человека. Для того чтобы раскрыть этот тезис, в данной статье мы обратимся к двум ключевым сюжетам его творчества – живописи на тему народных сказаний и таинственному образу молчания.

Сказка

«Я всегда был убежден, – признается Васнецов, – что в жанровых и исторических картинах, статуях и вообще в каком бы то ни было произведении искусства – образа, звука, слова – в сказках, песне, былинке, драме и пр. сказывается весь цельный облик народа, внутренний и внешний, – с прошлым и настоящим, а может быть, и будущим. Только больной и плохой человек не помнит и не ценит своего детства и юности... Плох тот народ, который не помнит, не ценит и не любит своей истории!» [Васнецов 1987, 150]. Васнецов обращается в своей живописи к сказкам и русскому эпосу. Здесь он ищет облик народа, то, что определяет наше прошлое, настоящее и будущее.

Для В. Стасова «Русско-волшебные сочинения Виктора Васнецова: “Иван-царевич с Еленой Прекрасной”, “Ковер-самолет”, “Три царевны подземного царства”, “Сирины и Гамаюны”, все это – неудачные выдумки и слабо написанные картины» [Стасов web]. Для Васнецова его труд – дань народу, воз-

вращение им же данного. «Я жил, – пишет он Стасову, – в селе среди мужиков и баб и любил их не “народнически”, а попросту, как своих друзей и приятелей, – слушал их песни и сказки, заслушивался, сидя на печи при свете и треске лучины» [Васнецов 1987, 154]. Позже он напишет: «Хотя я только художник, но народ свой люблю не на картинах только и жанрах – люблю его всего, его богатырскую, подчас размашистую натуру, его песню, сказку, его художество, его всю, наконец, многострадальную историю...» [Васнецов 1987, 212]. Для Васнецова народ – не умозрительная категория, не абстрактный предмет интереса, единственной формой отношения к которому может быть только «любовь к дальнему», но плоть, от которой произошел он сам. Фольклор не атрибут социальной прослойки, но глубинные грезы, выражающие душу России.

Васнецов работает над сказочными полотноми с конца 70-х гг. XIX в. («Три царевны подземного царства», 1881; «Ковер-самолет», 1880; «Иван-царевич на Сером Волке», 1889 и др.). В начале 80-х он создает эскизы к декорациям и костюмам для оперы Н.А. Римского-Корсакова «Снегурочка», сочиненной композитором по мотивам одноименной пьесы А.Н. Островского. Премьера состоялась в Русской частной опере Саввы Мамонтова в 1885 г. и имела большой успех. Васнецов живописно воскресил, говоря словами Афанасьева, поэтическое воззрение народа на природу и воплотил в Снегурочке женский идеал. Как выразится потом Дягилев, русское искусство указало разносторонний путь – от сурового образа Морозовой до милого облика Снегурочки. Стасов восхищался эскизами Васнецова: «Они полны поэзии, жизни, правды, русского духа, фантазии и красоты. <...> Какая изумительная галерея древнего русского народа, во всем его чудесном и красивом облике» [Васнецов 1987, 328]. В поздний период Васнецов пишет так назы-

ваемую «Поэму семи сказок» («Спящая царевна», «Царевна Несмеяна», «Кашей Бессмертный», «Баба-Яга», «Царевна-лягушка», «Ковер-самолет», «Сивка-Бурка»; 1901–1926). Об этих последних тяжелых временах он сообщает сыну в 1925 г.: «Я работаю, сколько могу по своим старческим силам – и работаю именно над сказками, так как работа для денег сама собою прекратилась, потому что никаких и ниоткуда покупателей нет, ни домашних – больше, впрочем, спекулянтов, – ни заграничных. Так я принялся за сказки. Теперь на очереди “Ковер-самолет”, летит что-то очень с задержками. Перед ним работал над “Царевной-Лягушкой”. Хоть понемногу, а картины двигаются вперед. Красок вот негде достать, свои плохи, а заграничных нет. В связи с обстоятельствами – общие художественные дела крайне туги» [Васнецов 1987, 253]. Впрочем, это оборотная, нехудожественная сторона действительности. Она касается художника, а не искусства. У Васнецова, как истинного художника, творчество превзошло творца: он подарил нам наглядность наших грез.

Сказка не отражение действительности, не то, что находится в позитивном или негативном отношении с социальными практиками, как полагал В. Пропп [Пропп 1986]. Сказка для Васнецова – это сама действительность, не выдумка, а, как сказал бы А. Лосев, наиболее яркая и подлинная реальность, данная в живом чувстве [Лосев 2001]. Или, как выражается Ф. Гиренок, сказка – это наше уже-сознание [Гиренок 2025]. Она рассказывает о том, как устроен внутренний мир человека. Сказка обращена к душе, к нашим языковым интуициям, определяющим наше мирозерцание. Васнецов, работая со сказками, занимается археологией нашего сознания. Какие сказки у народа, такая и его душа.

Национальное в сказке, скажет Е. Трубецкой, имея в виду универсальные сюжеты, почти всегда вариант общечеловеческого. Сказки хранят память о «неумирающих ценностях человеческой жизни», заключают в себе «что-то для всех народов и для всех времен важное и нужное» [Трубецкой 2005, 386–387]. И он прав. Но есть, однако, что-то непередаваемое в сказках, что передается внутри культуры лишь от сердца к сердцу. Сам Тру-

бецкой заключает это невыразимое отличие русских сказок в формулах о «женственном характере» наших волшебных грез и о «мистически пассивных переживаниях человеческой души» [Трубецкой 2005, 426–427]. Герои русских сказок – искатели иного царства, которое в пределе своем есть преображенный мир. А потому наш главный герой – Иван-дурак, тот, кто живет не своим умом, но небесной мудростью. Кто в своей духовной нищете, подобно святому, предоставляет себя софийной стороне жизни. Он образец жертвенности и самоотречения, последней ступенью которых является отказ от «Я». И только тот, кто пошел по этому мистическому пути пассивности до конца, получит высшую награду. Васнецов воплотил этот неотмирный идеал русской культуры, ее метафизическое устремление к Премудрости в картине «Сивка-Бурка» (начало 1920-х гг.). В версии сказки из сборника А.Н. Афанасьева Иван-дурак, младший сын, занимается ничегонеделаньем, он отвращен от посюстороннего мира. Вещего коня он получает из иного царства от умершего отца, который призвал его из развершейся могилы. Старшие братья – умные. Они побоялись на могилу к отцу ходить, ночью ее стеречь, как велел при смерти отец. Младший сын исполнил волю отца за всех братьев, потому что не боялся за свое «Я», которого был лишен. Не с первого раза одолел Иван-дурак на своем вещем коне высокий терем царевны – желанной для всех невесты. А когда одолел, стал женихом, преобразившись в красивого молодца. Как говорит сказка: «Наш Иван тут стал не Иван-дурак, а Иван царский зять; оправился, очистился, молодец молодец стал, не стали люди узнавать!» [Народные русские сказки 1985, 7]. Иван-Дурак на картине Васнецова летит на волшебном коне к высокому терему царевны и достигает той высоты, которая обычному, то есть живущему своим умом, человеку недоступна. В дар он получает обручение с небесной невестой. Идеал устремления к иномирию живописно передан Васнецовым и в образах ковра-самолета («Ковер-самолет», 1880; «Ковер-самолет», 1920–1923, 1925), серого волка («Иван-царевич на Сером Волке», 1889), нездешней печали Царевны Несмеяны, которую только дурень, то есть обладатель иного ума,

оказался способен рассмешить («Царевна-Несмеяна», 1916).

В эклектичной «Спящей царевне» (1913–1917), объединяющей литературную сказку, духовный космогонический стих «Голубиная книга» и образ затерянного среди густого леса прекрасного терема, в котором диковинно растут цветы, соседствуют медведи, попугай и лисы с зайцами, Васнецов создает свою сказку. И сказка эта не о царевиче и его любви к царевне, но о сне, пробуждения от которого не дано. Несмотря на красочную декоративность, общее эстетическое благолепие, это образ апокалиптический. Проснемся ли мы или не проснемся, ничто не изменится. Пребывая во сне, мы, словно в клетке. Красота – вокруг нас, а мы, будто мертвы, мы вне ее. Проснемся – но красота, окружающая нас, неподлинная, в лесу спрятанная, словно украденная, вырванная из родной почвы. Книга Голубиная с премудростью, отвечающая на вопросы: «От чего у нас начался белый вольный свет?», «От чего у нас солнце красное?», «От чего у нас ум-разум?», «От чего наши помыслы?», «От чего у нас мир-народ?», – открыта перед нами, но прочесть мы ее не можем. Вот она премудрость, для нас не доступная. Непосредственности знания книги противоречит надуманность терема-сада. Мир перестал быть для нас обжитым. Все сдвинулось со своих мест. Истины утратили свою очевидность. Мы живем на ощупь, наугад, в темноте. Наше сознание померкло. Мир перестал быть ясным. У нас есть глаза, но мы разучились видеть. У нас есть сердце, но мы разучились чувствовать. Сознание сузилось до сонного терема, в котором мечты о полноте бытия обречены. Спящая царевна не образ любви, а образ забвения себя, метафизического обморока. Если вообразить пробуждение царевны, это будет поистине страшная картина – хаоса и тупика.

Картины «Богатыри» (1881–1898), «Витязь на распутье» (1882) и «После побоища Игоря Святославича с половцами» (1880) – это своеобразная трилогия, образ святой любви к родине, правды и достоинства русского человека. Как говорил сам Васнецов, «Богатыри Добрыня, Илья и Алешка Попович на богатырском выезде – примечают в поле, нет ли где ворога, не обижают ли где кого?» [Вас-

нецов 1987, 59]. Враг – это тот, кто нарушает порядок, границы мира. Богатыри ищут не личного подвига, но берегут родную землю. Правда для русского человека – понятие сборное. Она одна на всех. Она сопряжена с понятием справедливости. Стасов говорил о том, что «Богатыри» Васнецова занимают в истории русской живописи одно из первейших мест. Значение их выразилось в беседе молодых художников Академии художеств. Стасов подслушал, обрадовался и тут же позавидовал, что не подумал то же сразу сам, прежде услышанного. «А что они говорили? – делится Стасов. – Они говорили, что эти “Богатыри” для них выходят словно pendant, дружка, к “Бурлакам” Репина. И тут и там – вся сила и могучая мощь русского народа. Только эта сила там – угнетенная и еще затоптанная, обращенная на службу скотинную или машинную, а здесь – сила торжествующая, спокойная и важная, никого не боящаяся и выполняющая сама, по собственной воле, то, что ей нравится, что ей представляется потребным для всех, для народа» [Васнецов 1987, 327]. И далее: «И что останавливает глаз и глубоко проникает в душу, это то, что среди всего этого вооружения, мечей, кольчуг, копий, шлемов, стремян и плетей из картины несетя не только одно впечатление силы и кровавых будущих расправ, проломленных черепов, отрубленных рук, исковерканных носов и глаз, но еще впечатление благодати, великодушия и добродушия – ими полон всего более сам Илья Муромец, главная срединная фигура» [Васнецов 1987, 328].

По поводу картины «Витязь на распутье» Васнецов уточняет: «На камне написано: “Как приму ехати – живу не бывати – нет пути ни прохожему, ни проезжему, ни пролетному”. Следующие далее надписи: “направу ехати – женату быти; налеву ехати – богату быти” – на камне не видны, я их спрятал под мох и стер частью» [Васнецов 1987, 156]. Иными словами, перед нами витязь, у которого только один путь, и он знает какой. В одном из писем Васнецов так и называет свой образ – «Витязь в раздумии перед прямой дорогой» [Васнецов 1987, 58–59].

Картина «После побоища Игоря Святославича с половцами» написана Васнецовым на «Слово о полку Игореве», из которого

рождался миф о «Русской земле». Славные витязи полегли за родину в землю, словно уснули благим сном среди лазоревых цветов. Смерть всякого воина, отстаивающего родную землю, мученическая, осмысленная, а потому святая.

Билися день,
Бились другой,
На третий день к полдню
Пали знамена Игоревы!
Тут разлучились братья на бреге быстрой Каялы;
Тут кровавого вина не достало;
Тут пир докончили храбрые русские,
Сватов попоили,
А сами легли за Русскую землю!
Поникает трава от жалости,
А древо печалию
К земле преклонилось –

говорит нам автор «Слово о полку Игореве», сравнивая доблестную битву со свадебным пиром [Слово о полку Игореве 2017, 15].

То не просто битва, то торжество. В унисон «Слову...» картина Васнецова сохраняет в себе амбивалентность плача и славы. Как звучит русская пословица, на миру и смерть красна. Мы смотрим на убитых воинов, а видим не смерть, а *то, ради чего* они положили свои головы.

Ангел молчания

В московской мастерской художника, расположенной на втором этаже его сказочного и одновременно простого русского деревянного дома, черным углем на белой стене изображен ангел. Его веки приспущены, взор обращен вовнутрь, к губам поднесен указательный палец. Это ангел молчания («Ангел молчания», начало 1900-х гг.).

Распространенная легенда говорит о том, что маленькие дети мешали Васнецову работать, и тот, желая усмирить их, поставил на входе символического стража. Однако по воспоминаниям сына, дети и вправду любили приходить к отцу, смотреть за его работой, подглядывать, как он кладет краски, и, конечно, путались под ногами, а тот боялся на них наступить, сердился, но никогда не выгонял [Васнецов 1987, 318]. Ангел ничего не стережет, никого не останавливает. Это не сим-

вол для проходящих мимо, наподобие агитки советских времен «Соблюдайте тишину!», это символ каждого человека, живущего человеческой жизнью, то есть внутренней. Внутренняя жизнь начинается с молчания. Ангел символизирует не отсутствие внешнего шума, а состояние ума. Образ ангела переключается с иконографией Иоанна Богослова в молчании, обращенной к неизреченному. Молчание как антропологический идеал присутствует у Васнецова и в «Аленушке», и в написанном вместе с ней «Затишье» (1881).

Дремлют сосны.
Дремлют дали.
Отдыхая, дремлет лес.
В воды тихие упали Отражения небес.
Под сосной сию я в думах...
И затишье, и покой –
И в шептанье хвой угрюмых
Радость жизни предо мной –

писал В.А. Гиляровский по мотивам «Затишья».

Молчание – это мертвость для мира, обращение к себе. Молчание – это смирение сокрушенного сердца. Как говорится в молитве святителя Игнатия Брянчанинова, «Мое единственное достояние – стыдение лица и молчание уст» [Святитель Игнатий 2010а, 170]. В своем пределе молчание – это священное безмолвие, исихия. Пребывание в Боге соединенного с самим собой человека, его ума, души и тела как целого. Игнатий Брянчанинов пишет: «Какое же чувство объемлет меня там? Объемлется все существо мое глубоким, таинственным молчанием, вне всякой мысли, вне всякого мечтания, вне всякого душевного движения, производимого кровью; субботствует и вместе действует существо мое под управлением Святого Духа... Пребываю как упоенный, забываю все, питаюсь неведомой, нетленной пищей, нахожусь вне всего чувственного, в области невещественного, в области, которая превыше не только вещества, превыше всякой мысли, всякого понятия: не чувствую самого тела моего. Очи мои смотрят и не смотрят, видят и не видят, уши слышат и не слышат... Молчание дивное, объемлющее ум, сердце, душу, устремившихся всей крепостью своей к Богу и потерявших – так сказать – в бесконечном движении к беспредельному, молчание это – вместе и

беседа, но – без слов, без всякого разнообразия, без мыслей, превыше мыслей» [Святитель Игнатий 2010б, 537–538]. Видеть и разуметь посредством невидения и неведения то, что выше созерцания и знания, и есть, говорит Дионисий Ареопагит, «поистине видеть и ведать» [Ареопагит 1995, 351].

Молчание – это беседа без слов, собеседование с Богом нищего духом. Радикальный отказ от чувственного и стремление к умопостигаемому, обретение, как выражается святой Каллист Ангеликуд (XIV в.), вышней родины.

Есть слово, а есть то, что выше слова. Есть сказанное, а есть то, что выше, – неказанное. Есть разумное, а есть то, что выше разума, – сверхразумное. Русская культура тяготеет не к слову, а к дословному, к апофатическому – тому, что прежде и выше слова. Наши основания мы находим не в уме, а в зауми, в том, что за умом, что прежде и сверх ума. Не умом, по словам поэта, Россию понимают, а тем, что его определяет.

В образе ангела молчания воплотился русский идеал странничества, который в пределе своем есть святость. В антропологическом смысле образ свидетельствует о том, что человек – это пришелец в мире, сверхъестественно он рождается в опыте молчания. В этическом – он говорит нам об отказе от мирской суеты, отказе от «Я» с тем, чтобы мерить все божественной мерой. В эстетическом плане он определяет красоту как то, что имеет онтологический статус, красота – это лад, совершенство, обретаемые в Боге.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ареопагит 1995 – Дионисий Ареопагит. О божественных именах. О мистическом богословии. СПб.: Глагол, 1995.
- Васнецов 1987 – Васнецов В.М. Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников. М.: Искусство, 1987.
- Гиренок 2025 – Гиренок Ф.И. Ценности и смыслы в галлюцинозе русского сознания. М.: Проспект, 2025.
- Лосев 2001 – Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001.
- Народные русские сказки 1985 – Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 2. М.: Наука, 1985.
- Пропп 1986 – Пропп В.Я. Исторический корни волшебной сказки. Ленинград: ЛГУ, 1986.
- Святитель Игнатий 2010а – Святитель Игнатий (Брянчанинов). Аскетические опыты: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010.
- Святитель Игнатий 2010б – Святитель Игнатий (Брянчанинов). Аскетические опыты: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010.
- Слово о полку Игореве 2017 – Слово о полку Игореве. Повести временных лет. М.: Стрекоза, 2017.
- Стасов web – Стасов В.В. Избранные сочинения в трех томах. Живопись, скульптура, музыка. Т. 3. М.: Искусство, 1952. // http://az.lib.ru/s/stasow_w_w/text_1901_iskusstvo_19_veka.shtml
- Трубецкой 2005 – Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Канон+ : Реабилитация, 2005.
- Dionysius the Areopagite, 1995. *About Divine Names. About Mystical Theology*. Saint Petersburg, Glagol Publ.
- Vasnetsov V.M., 1987. *Letters. The Diaries. Memories. Judgments of Contemporaries*. Moscow, Iskusstvo Publ.
- Girenok F.I., 2025. *Values and Meanings in the Hallucenosis of Russian Consciousness*. Moscow, Prospekt Publ.
- Losev A.F., 2001. *The Dialectic of Myth*. Moscow, Mysl Publ.
- Russian Folk Tales by A.N. Afanasyev. In 3 Vols. Vol. 2*. Moscow, Nauka Publ., 1985.
- Propp V.Ya., 1986. *The Historical Roots of the Fairy Tale*. Leningrad, LGU.
- St. Ignatius (Bryanchaninov), 2010. *Ascetic Experiments: In 2 Vols. Vol. 1*. Moscow, Izd-vo Sretenskogo monasterya.
- St. Ignatius (Bryanchaninov), 2010. *Ascetic Experiments: In 2 Vols. Vol. 2*. Moscow, Izd-vo Sretenskogo monasterya.
- The Tale of Igor's Campaign. Russian Primary Chronicle*, 2017. Moscow, Strekoza Publ.
- Stasov V.V., 1952. *Selected Works in Three Volumes. Painting, Sculpture, Music. Vol. 3*. Moscow, Iskusstvo Publ. URL: http://az.lib.ru/s/stasow_w_w/text_1901_iskusstvo_19_veka.shtml
- Trubetskoy E.N., 2005. *The Meaning of Life*. Moscow, Canon+ Publ., Rehabilitatiya Publ.

REFERENCES

Information About the Author

Natalia N. Rostova, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1, 119991 Moscow, Russian Federation, nnrostova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3675-2082>

Информация об авторе

Наталья Николаевна Ростова, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философской антропологии философского факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991 г. Москва, Российская Федерация, nnrostova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3675-2082>